

№ 1–2. – С. 65–134.

10. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.

11. Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen / Werner H. – Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 1995. – 200 с.

12. Кабанова Т. А. О семантической структуре кетских предикативов / Т. А. Кабанова // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. – Томск, 2000. – Ч. III. – С. 275–300.

13. Дульзон А. П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими / А. П. Дульзон // Учёные записки № 75. Вопросы лингвистики. – Томск, 1969. – Вып. 2. – С. 110–139.

14. Блок Х. П. Локадизм и дейксис в языках банту / Х. П. Блок // Африканское языкознание. – М., 1963. – С. 183–199.

15. Живова (Поленова) Г. Т. Местоимения в кетском языке (сравнительно-типологическое исследование местоимений кетского языка в сопоставлении с местоимениями других языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г. Т. Живова. – Л., 1978. – 18 с.

16. Сегал Д. М. Фонология кетского языка / Д. М. Сегал // Кетский сборник. Лингвистика. – М. : Наука, 1968. – С. 26–74.

Бурмистрович Ю.

– доктор филологических наук, профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Проблемы эффективной коммуникации»

УДК 811.16-112+811.16-342.6

**ЧТО БЫЛО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ПРИЧИНОЙ
ПЕРВЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ?**

В статье рассмотрены актуальные вопросы исторической фонологии восточнославянских языков. Доказано, что причиной первых фонетических изменений в праславянском языке была появившаяся в самом конце протославянской эпохи диезность гласных. Невозможность сочетания диезных и бемольных звуков стала причиной возникновения ряда фонетических и фонематических законов, направленных на разрешение противоречия и приведших в конечном итоге к изменению фонологической системы праславянского языка в целом.

Ключевые слова: праславянский язык, фонетический закон, фонематический закон, диезность, бемольность.

Бурмистрович Ю.

– доктор філологічних наук, професор Хакаського державного університету імені Н. Ф. Катанова, головний науковий співробітник науково-освітнього центру «Проблеми ефективної комунікації»

У статті розглянуто актуальні питання історичної фонології східнослов'янських мов. Доведено, що причиною перших фонетичних змін у праслов'янській мові була дієзність голосних, яка виникла наприкінці протослов'янської епохи. Неможливість поєднання дієзних та бемольних

звуків стала причиною виникнення низки фонетичних і фонематичних законів, спрямованих на розв'язання протиріч, що спричинилися до змін фонологічної системи праслов'янської мови в цілому.

Ключові слова: праслов'янська мова, фонетичний закон, фонологічний закон, дієзність, бемольність.

Burmistrovitch Yu.

– Doctor of Philology, Full Professor of Khakassia State University named after N. F. Katanov, Chief Member of Scientific-Educational Centre “Problems of effective communication”

WHAT WAS THE ACTUAL REASON OF THE FIRST PROTO-SLAVONIC PHONETIC PROCESSES?

In the article the urgent issues of historical phonology of the East Slavonic languages are considered. It is proved that the reason of the first phonetic changes in the Proto-Slavonic language was the sharpness of vowels that appeared at the very end of Proto-Slavonic epoch. Impossibility of combination of sharp and flat sounds stimulated some phonetic and phonemic laws that were aimed at solving the contradiction and in the end caused the change of the phonological system of the Proto-Slavonic language on the whole.

Key words: Proto-Slavonic (the Proto-Slavonic language), phonetic law, phonemic law, sharpness, flatness.

Постановка проблеми. 17 октября 2012 года ранним-ранним утром, а фактически даже ещё ночью, со мной случилось то, о чём писал М. Т. Рыльский в своём замечательном сонете «Луч»:

Бывает так. Ещё не встали зори,
Колышет сон земные города,
И небеса безмолвны, как всегда,
Не видно звёзд в космическом просторе.

И вдруг проснёшься. И в открытом взоре
Проснётся мысль, что ты искал года.
Проснутся руки, требуя труда.
Проснётся первый лист на осокре.

Что случилось с сердцем в этот ранний час?
И почему ты веришь, что сейчас
Случится чудо, мир преображая?

То постучался луч в твоё окно
И свет пролился, весело играя,
Как юности живительной вино.

Если не считать того, что первый солнечный луч ещё не постучался в окно, то всё остальное произошло именно так, как об этом сказал великий украинский поэт. 17 октября я вдруг проснулся в 4 часа утра, и почти сразу сформулировал ответ на вопрос: «Что́

именно было действительной причиной самых первых фонетических процессов в праславянском языке и какою была природа этой причины?».

Этой причиной было вовсе не различие количества аллофонов у разных типов фонем и тем самым некоторое парадигматическое противоречие, о чём я писал в 2001 году [3, с. 72–73], а появившаяся в самом конце протославянской эпохи диезность, пришедшая вместе с новыми для языка именно диезными гласными фонемами, которым надо было сочетаться с согласными, не имевшими в своём составе ни одной диезной, и, следовательно, диезности надо было сочетаться или с простой тональностью, которую чаще называют недиезностью, или с бемольностью, а такая сочетаемость была невозможной из-за несовместимости разных тональностей, особенно таких прямопротивоположных, как диезность и бемольность, т. е. как повышенный тон и пониженный тон (не забудем, что, помимо бемольных заднеязычных согласных фонем, бемольные аллофоны имели и все недиезные согласные фонемы – имею в виду те аллофоны, которые в протославянскую эпоху до действия фонематического закона дебемолизации-делабиализации стояли в словах перед бемольными гласными заднего ряда)¹. Так как это серьёзное противоречие касалось сочетаемости звуков (а за ними и фонем), то это противоречие как причина первых праславянских фонетических процессов по природе было синтагматическим, и если нужен будет закон, который поможет устранить это противоречие, то он должен будет быть фонетическим.

Что же касается упомянутого выше парадигматического противоречия, то оно было, но было очень слабым, свидетельством чего может служить то, что такое противоречие (различие количества аллофонов у разных фонем) может существовать даже не столетия, а тысячелетия. Например, оно существует в современном русском языке. Скажем, в слове *ода* фонема первого слога <о> имеет один аллофон: [o]², в слове *олово* фонема первого слога <о> имеет два аллофона: [o] и [ɑ] (последний – в словоформе *оловянный*), в слове *вол* фонема <о> имеет три аллофона: [o], [ɑ], [ɤ] (последние два – в словоформах *волы* и *волпас*). Что здесь – во всех случаях одна и та же фонема или три разных фонемы? Думается, что здесь одна и та же фонема, которая в речи может

¹ О сущности фонематического закона и его отличии от закона фонетического см. [4].

² Даже в слове *одописец*, в котором ударение падает не на первый слог, в этом слоге произносится [o].

выступать в трёх разных звуках-аллофонах. А, например, фонема <у>, если отвлечься от ударности-безударности, которая на качестве звука не отражается, отражаясь лишь на его количестве (длительности звучания), имеет только один аллофон: [y]. Однако на качестве общения это не отражается, поэтому вряд ли в ближайшем тысячелетии можно ожидать таких изменений, которые были бы направлены на то, чтобы каждая фонема имела непременно одинаковое количество аллофонов. (Слабость принятого в 2001 г. решения о причине первых праславянских фонетических процессов я почувствовал почти сразу после его принятия, но другое решение тогда не находилось).

В протославянскую эпоху после первых процессов, породивших новые щелинные согласные, а именно после дивергенций (расщеплений) фонемы <s> и процесса сатэмизации, но до утраты придыхательных и лабиализованных согласных и до действия фонематического закона дебемолизации-делабиализации и в подсистеме консонантизма (неслоговых согласных), и в подсистеме вокализма (слоговых гласных) были фонемы двух тональных типов – простые (которые чаще называют и недиезными, и небемольными) и бемольные.

В подсистеме согласных к простым относились все губные (лабиальные) (**b**, **b^h**, **p**, **p^h**) и все переднеязычные зубные (дентальные) (**d**, **d^h**, **t**, **t^h**, **s** + новая **z**), а к бемольным – все заднеязычные – как огублённые (лабиализованные) (**g^{j°}**, **k^{j°1}**), так и неогублённые (нелабиализованные) (**g°**, **k°** + новая **h°**), а также + новые переднеязычные зубные, но, в отличие от всех других переднеязычных зубных, лабиализованные (**s^{j°}**, **z^{j°}**).

В подсистеме гласных к простым относились все среднерядные (**ȳ**, **ŷ**, **ē**, **ě**, **ā**, **ǣ**), а к бемольным – все заднерядные (**°ū**, **°ŭ**, **°ō**, **°ö**).

Наиболее совместимыми в сочетаниях согласных с гласными были такие согласные и гласные, которые были одинаковыми по тональности, например: **b+ā**, **t^h+ě**, **k°+°ō** и т. п.

Несколько менее совместимыми, но в конечном итоге также совместимыми были согласные и гласные, которые были неодинаковыми по тональности, например: **k°+ě**, **d+°ō** (***kěndō**, будущее русское 'чадо'). Здесь в первом слове сочетаются бемольная согласная и простая гласная, а во втором слове,

¹ В работе для обозначения акустических тональностей используются следующие диакритические (надстрочные) знаки: ° – знак бемольности, ˘ – знак диезности, ' – знак нейтральности, отсутствие знака – знак недиезности (простой тональности).

наоборот, простая согласная и бемольная гласная. В таких случаях, скорее всего, гласная несколько воздействовала на согласную, передавая ей часть своей тональной энергии, достаточную для согласования тональности этой согласной с тональностью воздействующей гласной. Другими словами, я представляю дело так, что в первом слоге согласная **k** чуть-чуть сдвигается вперёд по сравнению с **k**, сочетающейся со «своей» заднерядной гласной, а во втором слоге согласная **d** чуть-чуть сдвигается назад по сравнению с **d**, сочетающейся со «своей» среднерядной гласной. Таким образом, можно считать, что сочетание **kĕ** в целом становилось простым, а сочетание **dŏ** в целом становилось бемольным.

Но после утраты придыхательных и лабиализованных согласных и вызванного этим действия фонематического закона дебемолизации-делабиализации и связанной с ним утратой всех бемольных слоговых гласных (так как все они были и лабиализованными), а также утратой части бемольных согласных (а именно тех бемольных согласных, которые были и лабиализованными) положение с тональными типами в обеих подсистемах изменилось.

В подсистеме неслоговых согласных остались простые и бемольные, но с уменьшением количества бемольных, а в подсистеме слоговых гласных полностью исчезли все бемольные, которые переместились в средний ряд, изменившись тем самым в простые, уменьшилось количество простых, но зато появились новые – дизные, в которые изменились – ради сохранения прежнего количества оппозиций – прежние простые, переместившись в передний ряд (например, было **kūtŏ* : **krtŏ*, стало **krtă* : **kītă* (будущие русские *кто* : *что*) – качество выделенных оппозиций изменилось, но сама оппозиция как таковая сохранилась).

В подсистеме согласных к простым относились все губные (лабиальные) (**b**, **p**) и все переднеязычные зубные (дентальные) (**d**, **t**, **s**, **z**), а к бемольным – все заднеязычные неогублённые (нелабиализованные) (**g°**, **k°**, **h°**).

В подсистеме гласных к простым относились все среднерядные (**ŷ**, **ÿ**, **ā**, **ă**), а к дизным – все переднерядные (**ī**, **ĩ**, **ē**, **ĕ**).

Как и раньше, наиболее совместимыми в сочетаниях согласных с гласными были такие согласные и гласные, которые были одинаковыми по тональности, например: **b+ā**.

Несколько менее совместимыми, но в конечном итоге также совместимыми были согласные и гласные, которые были неодинаковыми по тональности, а именно согласная бемольной, а гласная простой, например: **k°+ā**, где гласная воздействовала на

согласную, нивелируя её бемольность и делая всё сочетание простым.

Но уже несовместимыми оказались в сочетаниях согласных с гласными такие согласные и гласные, которые были неодинаковыми по тональности, но теперь согласная простой или бемольной, а гласная диэзмой, т. е. $b + \acute{t}$, $k^{\circ} + \acute{e}$ и т. п. Обратим внимание на то, что сочетания типа $k^{\circ} + \acute{e}$ были возможны, а сочетания типа $k^{\circ} + \acute{e}$ уже невозможны, ибо в первом сочетании гласная была средней, простой, а во втором сочетании гласная оказывается переднеязычной, диэзмой.

Это **синтагматическое противоречие между тональностями любой согласной и диэзмой гласной** стало водоразделом между протославянским диалектом праиндоевропейского языка и праславянским языком, и разрешение этого противоречия осуществилось уже в праславянском языке в его раннем периоде.

Из-за этого противоречия в раннем периоде праславянского языка просто не могли произойти фонетические процессы, направленные на гармонизацию отношений соседствовавших в слове согласных и гласных звуков, разных по тональности, т. е., конкретнее, на то, чтобы соседствовавшие согласный и гласный звуки стали одинаковыми по тональности.

Это и произошло. Первым праславянским процессом стал процесс приведения разных тональностей к одной тональности в сочетаниях «простой согласный + диэзмой гласный». В этих сочетаниях диэзмой гласный стал воздействовать на стоявший перед ним простой согласный, передавая последнему свою диэзмость. Эта диэзмость отразилась в согласном не в виде признака ряда, которого у согласных не бывает, а в виде признака палатализованности («полумягкости»). При этом сам гласный свою диэзмость не потерял, а лишь возбудил диэзмость-палатализованность в согласном, и теперь всё сочетание приняло вид «диэзмой согласный + диэзмой гласный», и, таким образом, компоненты такого сочетания стали полностью совместимыми. Схематически это можно показать так: $C + \acute{V} \rightarrow C^{\circ} + \acute{V}$, например: $*b \acute{t} \acute{e} h \rightarrow *b^{\circ} \acute{t} \acute{e} h$ 'бить'.

Такие диэзные однотональные сочетания естественным образом стали противопоставляться соответствующим простым (недиэзмой) однотональным сочетаниям. Например, если мы сравним вышеприведённое слово $*b^{\circ} \acute{t} \acute{e} h$ со словом $*bet^{\circ} \acute{e} h$ 'быть', то без труда увидим, что первые звуко сочетания «согласный + гласный» в этих двух словах отличаются друг от друга именно тональностью: в первом слове она диэзная, а во втором — простая (недиэзная). Во всём остальном они соотносительны: и там,

и там начальный согласный – губной (лабиальный), и там, и там конечный гласный – верхнего подъёма.

Передача дизности от дизного гласного к недизному согласному (или, как ещё говорят, **дизация** недизных согласных) оказалась важной для подсистемы согласных фонем: ведь большинство из них (все, кроме заднеязычных) получило новый дизный аллофон, который, по сути дела, заменил собою бывший ранее у них бемольный аллофон или – при самом благоприятном для бемольности случае – перевел бемольность в латентное состояние, как бы в летаргический сон. Но дизация недизных согласных оказалась важной и для подсистемы гласных фонем. Дело в том, что смыслоразличительную роль, т. е. роль фонем, всё чаще стали играть не отдельно согласные и гласные звуки, а **однотональные** сочетания «согласный + гласный», которые стали выступать как новые большие фонематические единицы и которые мы вслед за профессором **Владимиром Константиновичем Журавлёвым** будем называть **группофонемами** [см. 6; 8; 9; 5] и будем обозначать на письме латинскими буквами **CV** в скобках с одновременным обозначением их тональности. Группофонема стала, таким образом, конечной стадией процесса дизации недизных согласных: $C + \text{'V} \rightarrow C' + \text{'V} \rightarrow \text{'(C'V)}$. Почти аналогично стали образовываться и недизные группофонемы, различие заключалось только в том, что при этом не было промежуточной стадии: $C + V \rightarrow (CV)$, но время, затраченное на переход суммы фонем в группофонему было и для дизных, и для недизных группофонем одно и то же. Появившиеся одновременно дизные и недизные группофонемы естественным образом стали противопоставляться друг другу, что в исследованиях показывается так: $\text{'(C'V)} : (CV)$.

Формирование группофонем вызвало к жизни появление нового **фонетического** закона, который наиболее точно называется **законом внутригруппофонемного сингармонизма**. Этот закон стал требовать, чтобы рядом стоящие в слове согласный и гласный обязательно гармонизовали друг с другом по тональности, т. е. были одинаковыми по этому признаку.

Этот закон вызвал целый ряд процессов. Остановлюсь лишь на одном из них, а именно на том, с помощью которого удалось гармонизировать тональные отношения между гласными переднего ряда, которые акустически были дизными, и оказавшимися в словах перед ними заднеязычными согласными, которые акустически по самой своей природе были бемольными. Если расстояния между простой тональностью и бемольной тональностью, с одной стороны, а также между простой

тональностью и диезной тональностью, с другой стороны, можно оценить как одношаговые, то расстояние между бемольной тональностью и диезной тональностью нужно оценить как двухшаговое. Это объясняется тем, что в первых двух случаях движение языка во рту совершалось в какую-то одну сторону (или только назад, или только вперёд), а в третьем, последнем, случае – в две прямопротивоположные стороны (и назад, и вперед). Поэтому подвергнуть диезации бемольные согласные в два раза труднее, чем подвергнуть диезации простые согласные. Труднее потому, что здесь тональности не просто разные, как в первых двух случаях, а прямопротивоположно разные, как разны, например, плюс и минус, т. е. бемольность (**B**) – это минус диезность (**-D**), а диезность (**D**) – это минус бемольность (**-B**). Поэтому соединение **B + D** – это то же самое, что **B + (-B)**, а такое суммирование тональностей математически неумолимо даёт **0** (ноль). Учитывая то, что закон внутригруппофонемного сингармонизма требовал не только гармонизации тональностей соседних согласного и гласного звуков, но и того, чтобы они вместе составили однотональную группофону, формулу только что рассмотренного процесса можно оформить так: **B + D → B + (-B) → (00)**, а чтоб не спутать ноль с буквой «О», лучше записать формулу так: **B + D → B + (-B) → (∅∅)** – два ноля, а не один означает, что в группофоне входят два компонента с **нулевой** тональностью: согласный и гласный. Эту нулевую тональность чаще называют **нейтральной** тональностью. Имеется в виду, что при этом **нейтрализуется**, устраняется, различие между бемольностью и диезностью: бывшая бемольность (**B**) воспринимается в группофонах как (**±B**), т. е. как ноль, а бывшая диезность (**D**) воспринимается в группофонах как (**±D**), т. е. опять-таки как ноль. Если учесть, что бемольной была согласная фонема, а диезной – гласная фонема и что вместе они должны составить нейтральную группофону, то последнюю формулу более конкретно показывают так: **C° + °V → °(C°V)**, где знак ° как раз и указывает на нейтральную тональность как всей группофонемы, так и каждого её компонента. Остаётся самое главное: выяснить, что означает эта нулевая тональность лингвистически. Это хорошо выявляется на процессе первой переходной палатации заднеязычных согласных, который формулируется следующим образом: «заднеязычные согласные [g], [k], [h], бемольные по природе, в позиции перед гласными переднего ряда монофтонгического происхождения [i̇], [i̇], [ë], [ë], диезными по природе, переходили в среднеязычные палатальные шипящие [w], [č], [š], нейтральные по природе, например: *năgĩkā → *năw'ĩkā 'ножка'

(позже аффрикативный [W'] изменился в щелинный [ž'], а остальные шипящие остались без изменений)»¹. Из этой формулировки мы сразу узнаём, что нейтральность у согласных проявляется, прежде всего, в виде палатальности («мягкости»), в данном случае отягощённой ещё и шипящестью. А как проявляется нейтральность у гласных? Если мы посмотрим на приведённый в формулировке процесса пример *nāW'ikā, то без особого труда увидим явно новый согласный, а именно [W'] (в русских символах – [дж']), но что касается гласного, то тут, на первый взгляд, ничего нового не видно: звук [i] уже характеризовался как звук диезный. Но остаётся ли он неизменным в сочетании с предшествующим ему в слове нейтральным согласным? Ответить можно так: физически (аллофонно) он оставался диезным, а функционально (фонемно) он стал нейтральным. Почему? Потому, что он входил в ту же группофонему, что и согласный [W'], который фонемно был нейтральным, а группофонема – это такое сочетание согласного и гласного компонентов группофонемы, в котором и согласный, и гласный компоненты должны быть фонемно одинаковыми по тональности и тем самым совместимыми друг с другом.

По своей сути процесс первой переходной палатации заднеязычных был процессом дивергенции (расщепления)², который можно показать в таких формулах:

$$[g] \rightarrow \frac{[g]}{P_1} : \frac{[W']}{P_2}, \quad [k] \rightarrow \frac{[k]}{P_1} : \frac{[č']}{P_2}, \quad [h] \rightarrow \frac{[h]}{P_1} : \frac{[š']}{P_2},$$

где P₁ означает позицию заднеязычных перед гласными переднего ряда, недиезными, а P₂ – позицию их перед гласными переднего ряда, диезными. Так как непалатальные заднеязычные и палатальные среднеязычные шипящие могли находиться только в разных позициях, иначе, в позициях **дополнительного распределения**, то на этом этапе развития языка все эти звуки представляли собой аллофоны только одних и тех же непалатальных заднеязычных компонентов группофонем (эти компоненты **Д. Д. Беляев** [1, с. 14] предложил называть

¹ Обычно этот процесс называют первой переходной палатализацией, но это явная неточность, свидетельствующая лишь о том, что люди, употребляющие в этом случае такой термин, практически не различают палатальные и палатализованные звуки и не различают процессы, которые породили такие разные по тональности звуки. После открытий **А. И. Томсона** [11], **О. Брока** [2], **Б. Каллемана** [13] и **В. Н. Чекмана** [12] не различать то, что в действительности является различным, уже некорректно, ибо это неразличение различного воспринимается уже как незнание с этими открытиями.

² Понятия дивергенции (расщепления) и конвергенции (слияния) языковых единиц ввёл в лингвистику **Е. Д. Поливанов** [10]. На основе поливановских формул, разработанных для фонем, **В. К. Журавлёв** [7, с. 192] разработал формулы для звуков. Мы здесь используем формулы В. К. Журавлёва.

квазифонемами). Но любой новый звук, появляющийся в речи, может осознаваться как нечто новое в языке лишь тогда, когда он фонемизируется, т. е. станет представлять в речи не чужую ему по главной характеристике фонему (или квазифонему), а свою собственную. Например, в нашем примере новый звук [W'] характеризовался такими признаками, как средняяязычность, палатальность («мягкость»), шипящность, звонкость, из которых главным был признак палатальности, а относился к квазифонеме “<g>”, которая характеризовалась такими признаками, как задняяязычность, непалатальность, нешипящность, звонкость. Но почему при такой разнице в характеристиках звук [W'], который произошёл из звука [g], продолжал оставаться представителем той же фонемы, что и его родитель, т. е. фонемы <g> с её чуждыми новому звуку характеристиками? Потому, что два разных звука могут стать представителями двух разных фонем (или квазифонем) только тогда, когда они начнут встречаться в одной позиции, которая, таким образом, станет позицией **контраста**. Фонемизация же нового звука и заключается в том, что новый звук начинает употребляться не только в новой позиции, но и в той позиции, в которой употребляется старый звук. В нашем же случае новые и старые звуки употреблялись только в разных позициях: старые задняяязычные непалатальные нешипящие – только в позиции перед гласными непереднего ряда, а новые средняяязычные палатальные шипящие – только в позиции перед гласными переднего ряда. Фонемизироваться новые согласные могли бы только в том случае, если бы они стали употребляться и в позиции перед гласными непереднего ряда. Перед носителями праславянского языка и встала задача найти возможность ставить новые палатальные средняяязычные не только в позицию перед гласными переднего ряда, в которой они появились, но и в позицию перед гласными непереднего ряда, в которой до этого стояли задняяязычные непалатальные. Эта задача была решена тем, что одна из диезных гласных фонем переднего ряда, которые вызвали переходную палатацию задняяязычных, а именно <ē>, **после того**, как перед ней возникли палатальные шипящие [W'], [č'], [š], была заменена недиезной гласной среднего (значит, непереднего) ряда <ā>, например: *k°ēdītēh → *(č'ē) (d'ī) (t'ē) h → *(č'ā) (d'ī) (t'ē) h ‘чадить’. Сравнив последнюю форму *(č'ā) (d'ī) (t'ē) h с существовавшей тогда же формой *(kā) (d'ī) (t'ē) h ‘кадить’, мы легко можем увидеть, что согласные звуки [k] и [č'] оказались в одной и той же позиции перед гласным среднего ряда [ā]¹. Этого достаточно, чтобы

¹ С артикуляционной точки зрения [ā] после [k] и после [č'] не одинаков: после [k] он среднерядный, а после [č'] он переднерядный. Но нетрудно понять, что его переднерядность в последнем случае не самостоятельна, а вызвана

утверждать, что теперь звук [č'] стал независимым от позиции, вышел из-под «юрисдикции» заднеязычной непалатальной квазифонемы <k> и стал аллофоном новой среднеязычной палатальной шипящей квазифонемы <č'>, другими словами, фонемизировался. То же случилось и с другими палатальными шипящими. Можно в связи с этим отметить, что если в блоке заднеязычных (бемольных) согласных произошло три дивергенции (показаны в трёх формулах выше), то в блоке переднеязычных (диезных) гласных произошёл один противоположный процесс – конвергенция (слияние) двух звуков в один: $\frac{[\bar{e}] : [\bar{a}]}{P_r} \rightarrow \frac{[\bar{a}]}{P_n}$, где P_r (позиция различения) – это позиция гласных $[\bar{e}]$ и $[\bar{a}]$ после любых согласных, кроме палатальных (которыми в это время были [j'] и шипящие), а P_n (позиция неразличения) – это позиция тех же гласных после палатальных [j'] и шипящих. Так как $[\bar{a}]$ мог теперь находиться и после непалатальных, и после палатальных согласных / ср. $*(k\bar{a})$ $^{\circ}(d^{\circ}\bar{i})$ $^{\circ}(t^{\circ}\bar{e})$ $^{\circ}h$ и $^{*}(\check{c}''\bar{a})$ $^{\circ}(d^{\circ}\bar{i})$ $^{\circ}(t^{\circ}\bar{e})$ $^{\circ}h$, то позиция перед ним стала для непалатальных заднеязычных и для палатальных среднеязычных шипящих согласных позицией **контраста**. А это значит (повторим), что палатальные среднеязычные шипящие звуки вышли из области заднеязычных квазифонем и стали аллофонами среднеязычных палатальных шипящих квазифонем. Другими словами, переход $[\bar{e}]$ в $[\bar{a}]$ после палатальных согласных **фонемизировал** эти палатальные согласные, т. е. сделал их аллофонами новых палатальных согласных квазифонем. И теперь в оппозицию друг другу встали не только заднеязычные и среднеязычные шипящие звуки-аллофоны, но и заднеязычные и среднеязычные шипящие квазифонемы.

Выводы. Таким образом, выдвижение на роль причины первых праславянских фонетических процессов возникновения диезной тональности, которая появилась позже других тональностей и которая первоначально была в сочетаниях согласных и гласных несовместимой с возникшими гораздо раньше простой и бемольной тональностями, а значит, очень серьёзным синтагматическим противоречием в первоначальной фонематической системе праславянского языка, оказывается шагом верным, потому что и самый первый праславянский процесс диезации всех губных и переднеязычных (недиезных, простых) согласных, и появление

палатальным согласным. Поэтому указанным различием гласных звуков мы можем пренебречь. Но с группофонемной точки зрения эти два $[\bar{a}]$ всё же действительно различны: в простой группофонеме $(k\bar{a})$ $[\bar{a}]$ является недиезным, простым, а в нейтральной группофонеме $^{*}(\check{c}''\bar{a})$ $[\bar{a}]$ является нейтральным.

первых дизных и недизных группфонем, и действие фонетического закона внутригруппфонемного сингармонизма, и такой ранний праславянский процесс, как процесс первой переходной палатации заднеязычных (бемольных) согласных, и рождение в результате этого процесса новых группфонем с новой нейтральной тональностью, а вместе с этим и новых нейтральных (артикуляционно – палатальных) согласных являются совершенно естественными, а потому и весьма реалистичными процессами, направленными на устранение названного противоречия.

Литература

1. Беляев Д. Д. Конвергентно-дивергентные процессы в фонологических изменениях (на материале истории задненёбных в праславянском языке) : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук / Д. Д. Беляев. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980. – 17 с.
2. Брок О. Очерк физиологии славянской речи / О. Брок. – СПб. : Имп. Акад. Наук, 1910. – Вып. 5.2. – 262 с. – (Энциклопедия славянской филологии).
3. Бурмистрович Ю. Я. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями 'предок – потомок', от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского / Ю. Я. Бурмистрович. – Абакан : Хакасский ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2001. – 227 с.
4. Бурмистрович Ю. Я. Законы фонетические и законы фонематические / Ю. Я. Бурмистрович // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Сер.: Языкознание. – Абакан, 2002. – Вып. 3. – С. 5–11.
5. Бурмистрович Ю. Я. Теория группфонем В. К. Журавлёва : учебное пособие / Ю. Я. Бурмистрович. – Абакан : ООО Диалог-Сибирь-Абакан, 2007. – 84 с.
6. Журавлёв В. К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке / В. К. Журавлёв // Вопросы языкознания. – М., 1961. – С. 33–45.
7. Журавлёв В. К. Диахроническая фонология / В. К. Журавлёв. – М. : Наука, 1986. – 232 с.
8. Журавлёв В. К. Очерки по славянской компаративистике / В. К. Журавлёв. – М. : URSS, 2005. – С. 53–99.
9. Журавлёв В. К. Теория группфонем : развитие группового сингармонизма в праславянском языке / В. К. Журавлёв. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 128 с.
10. Поливанов Е. Д. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса / Е. Д. Поливанов // Избранные работы : статьи по общему языкознанию. – М. : Глав. редакция восточн. лит-ры, 1968. – С. 57–74.
11. Томсон А. И. Общее языковедение. – 2-е изд., переработ. и доп. / А. И. Томсон. – Одесса : Типогр. «Техник», 1910. – 448 с.
12. Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка : типология и реконструкция / В. Н. Чекман. – Минск : Наука и техника, 1979. – 216 с.
13. Calleman B. Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung / B. Calleman. – Uppsala, 1950.